

- Начальник, - Шэнь Чан Ань, видя его замешательство, решил помочь. - Вы говорите прямо, не стесняйтесь. Я уже большой мальчик, всё пойму.

- Эх, - тяжело вздохнул Ду Чжун Хай, и улыбка его вдруг стала какой-то грустной, сочувствующей. - Дело вот в чём, Сяо Шэнь. Твой отец... героически погиб при исполнении служебного долга больше десяти лет назад, - он сделал паузу, давая молодому человеку время осмыслить сказанное. - Теперь настало время, согласно регламенту, рассекретить часть его личных вещей и архивных материалов, которые хранились в соответствующих органах.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

- Среди этих вещей, среди его личного архива, обнаружилось письмо. Письмо, адресованное тебе и твоей матери, - голос Ду Чжун Хая звучал мягко, почти по-отечески. - Начальство планирует прислать специального курьера, чтобы вручить это письмо тебе лично в руки, с соблюдением всех необходимых формальностей. И одновременно... - он замялся, явно испытывая неловкость, но всё же договорил: - Они хотели бы, с твоего позволения, конечно, поместить оригинал этого письма в музей, в специальной экспозиции, посвящённой павшим героям. Чтобы люди, посетители, молодёжь особенно, могли увидеть, какую цену платят те, кто защищает страну, кто стоит на страже порядка и закона. Чтобы помнили.

Шэнь Чан Ань молчал, опустив голову, глядя куда-то в пол, в одну точку. Лицо его было непроницаемо, но пальцы, лежащие на коленях, чуть заметно дрогнули.

- Конечно, - поспешно, почти испуганно добавил Ду Чжун Хай, заметив это движение. - Письмо - вещь глубоко личная, интимная, можно сказать. Это не просто документ, это частичка души, последний разговор с родным человеком. Если ты не хочешь его обнародовать, если считаешь, что это слишком сокровенно, начальство полностью, стопроцентно поддержит твоё решение и оставит всё как есть. Никто не будет настаивать. Это только твоё право.

- Мой отец был настоящим героем, - тихо, но очень твёрдо, с какой-то внутренней сталью в голосе, произнёс Шэнь Чан Ань, по-прежнему не поднимая глаз. - Он не пожалел своей крови, своей головы ради страны, ради людей, ради того, чтобы мы с мамой и миллионы других людей могли жить спокойно. Неужели я, его сын, буду жалеть для людей, для истории какое-то письмо? - он помолчал, собираясь с мыслями. - Я не против. Пусть делают, что считают нужным. Это правильно.

- Тогда... в ближайшие дни, скорее всего, на той неделе, тебе доставят вещи и письмо, - Ду Чжун Хай участливо, с искренним сочувствием посмотрел на молодого человека, который сейчас казался таким беззащитным, несмотря на всю свою внешнюю невозмутимость. - Ты... держись, Сяо Шэнь. Соболезную. Если что - обращайся.

Шэнь Чан Ань вышел из кабинета начальника и вернулся на своё рабочее место, погружённый в свои мысли. Голова слегка побаливала - то ли от недосыпа, то ли от этого тяжёлого разговора, всколыхнувшего столько всего, что он предпочёл бы навсегда похоронить в глубинах памяти.

Отец умер. Ушёл из жизни, когда он был ещё совсем маленьким. А меньше чем через два года после него, не выдержав разлуки, горя и одиночества, ушла и мать. И тогда, испугавшись, что преступники, которым отец успел насолить при жизни, могут захотеть отомстить ребёнку, его, маленького, незащитного, спешно отправили в деревню, к бабушке – единственной оставшейся родственнице.

Он до сих пор помнил тот старый деревенский дом – двухэтажную деревянную постройку на сваях, тёмную, вечно скрипучую, пахнущую плесенью, сыростью и какими-то травами, развешанными по углам для просушки. Бабушка, уже совсем старая и, как потом выяснилось, не совсем здоровая рассудком, всё время твердила ему, укачивая на коленях, что отец на самом деле не умер. Что смерть его – ошибка, недоразумение. Просто Янь Ван (1) перепутал бумаги, ошибся, забрал не ту душу, не того, кого нужно было забрать. И теперь отец томится где-то в подземных чертогах, в царстве мёртвых, и ждёт, когда его вернут назад, когда справедливость восторжествует.

Она поила его какой-то мерзкой, мутной жидкостью, которую сама же и готовила, сжигая над водой бумажные талисманы с заклинаниями и сыпая пепел в кружку. Напиток был горьким, терпким, отдавал гнилью, гарью и чем-то ещё, неопишимо мерзким, вызывал тошноту и резь в животе. Маленький Шэнь Чан Ань, плача и давясь, пытался объяснить бабушке, что папа учил его: никаких духов и демонов не существует, нет никакого Янь Вана, нет рая и ада – есть только люди, живые люди, хорошие и плохие.

Но стоило ему заикнуться об этом, заговорить голосом отца, как бабушка впадала в неистовство, в настоящую ярость. Глаза её наливались кровью, лицо искажалось гримасой гнева, и она кричала, что он бессердечный, неблагодарный, что не хочет спасти родного отца, что в нём нет ни капли любви, и била его – больно, чем попало, не жалея, не разбирая куда.

А потом, обессилив, заставляла снова пить ту самую гадость и часами, до ломоты в коленях, стоять на коленях перед отцовской фотографией в траурной рамке. Какой-то "мудрец", деревенский знахарь, к которому бабушка ходила советоваться, сказал ей, что если потомок будет достаточно искренен в своём желании и усерден в молитвах, день за днём, месяц за месяцем, то Небо сжалятся, тронется его преданностью и вернёт умершего к жизни.

День проходил за днём, месяц за месяцем, год за годом. Но отец не возвращался. Не было ни знака, ни весточки, ни намёка. Даже во сне он не приходил к сыну – вместо этого мальчика преследовали кошмары, в которых злобные, уродливые твари с горящими глазами и острыми клыками гнались за ним по пятам, желая сожрать его плоть и выпить кровь, отомстить за то, что он сын того, кто стоял у них на пути.

Отец не вернулся. Зато окончательно, бесповоротно свихнулась бабушка.

В тот день, когда рассудок окончательно покинул её, навсегда провалившись в чёрную бездну безумия, стояла удивительно ясная, солнечная, почти праздничная погода. Небо было чистым, синим, без единого облачка, и солнце заливало всё вокруг ярким, радостным светом. За окном, на старой, корявой хурме, росли жёлто-зелёные, ещё недозревшие, твёрдые плоды, обещающие будущий урожай. Бабушка, сжимая в руке большие садовые ножницы, подошла к нему сзади,

когда он сидел на полу и рассматривал картинки в старой книжке, и без единого слова, без предупреждения, со всего размаха вонзила их ему в плечо. Острая, режущая боль пронзила всё тело, перед глазами поплыли красные круги. Она кричала, почти визжала, что хочет вытянуть из него "нить жизни", ту самую невидимую нить, что связывает человека с этим миром, и отправить её отцу, чтобы тот мог ухватиться за неё и вернуться из царства мёртвых.

---

1. 阎王 (yánwáng) - Янь Ван (царь, князь) - в китайской мифологии владыка подземного мира; считалось, что он расследует земную жизнь мёртвых, а затем направляет их для наказания к одному из десяти царей-судей, каждый из которых имеет своё судилище. Восемь царей наказывали души, а попадающих к двум другим судьям ожидали новые тела для реинкарнации.

<http://bllate.org/book/16518/1504211>